

Память уровня литературы

НОВЫЙ РОМАН ПАВЛА САНАЕВА

Анна Наринская

Я НЕ ОТНОШУСЬ к поклонникам книжки «Похороните меня за плинтусом» и в связи с этим чувствую себя довольно неудобно. Потому что прилюдное признание этого невосхищения всякий раз — я вижу — воспринимается окружающими как снобизм и кокетство. И их можно понять, потому что получается, что вот, людям потоньше и пообразованней меня нравится, а мне, видишь ли — нет. А нравится «Похороните меня за плинтусом» не только тем, кто потоньше и пообразованней меня, но и вообще практически всем. За десять лет (отдельным изданием этот текст вышел в 2003 году) продано более миллиона экземпляров, а могли бы продать и больше: директора книжных магазинов в унисон утверждают, что этой повести сколько будет напечатано, столько и ее купят. То есть текст Санаева — пример редких на сегодняшний день «объединяющих» культурных явлений, одинаково трогających и хозяина, и работника, и ученого, и неуча. Прямо как некоторые советские фильмы.

Признавая все это, я, открыв эту книгу, неизменно остаюсь с чувством, что на меня давят, тыкают в одно и то же место, что вся эта повесть — повторение одного и того же нехитрого приема. В ответ на очередное изложение этих моих ощущений я тут недавно услышала (от того, кто, безусловно, и тоньше, и образованней меня), что нет: описанная в этой повести бабушка, умучивающая своей любовью главного героя, — это невероятно правдивый точный образ. «Вы, — сказали мне, — просто с такими людьми не встречались».

И хоть мне кажется, что герои по-настоящему хороших книг должны казаться убедительными независимо от того, встречались ли мы с такими, как они, в жизни или нет, но в этой проходной фразе оказалось выявлено основное достоинство Санаева-писателя.

У него очень хваткая память. В недавно вышедших «Хрониках раздолбая», книги сознательно коммерческой и куда более конъюнктурной, чем «Похороните меня за плинтусом», это его качество проявлено со всей очевидностью. Вообще-то в «Хрониках» этих много чуши. Там, например, герой все время разговаривает с неким голосом то ли совести, то ли прямо-таки Бога, каковой голос дает ему советы, как вести себя с родителями и любимой девушкой, а также толкует разнообразные банальные, но высокие

ПАВЕЛ САНАЕВ ПЕРЕДАЕТ ДЕВЯНОСТЫЕ ОЧЕНЬ БЛИЗКО К ТЕКСТУ, И ЕСЛИ ВКУС ЕГО ИНОГДА ПОДВОДИТ, ТО ПАМЯТЬ — НИКОГДА

истины. И написан этот текст в стилистике, часто скатывающейся в школьное сочинение на свободную тему («Дружба с карандашами началась у него в шесть лет», «День принес много радостных впечатлений»). Но! Действие там начинается 11 августа 1990 года, и это очень точные воспоминания о начале девяностых. То есть очень точные воспоминания о них молодого москвича из интеллигентной семьи. Девяностые (жаркий спор о которых — были они «лихими» или «глотком подлинной свобо-

ды» — хоть немного затих теперь, но отнюдь не закончен) лишены точного описания. Лучшие их «прижизненные» изображения вроде «Generation „П“» с одной стороны и, например, «Улиц разбитых фонарей» с другой, принципиально передают атмосферу, а не реальность. Павел Санаев, не обладающий ни безусловным талантом Виктора Пелевина, ни специфическим Андреем Кивинова, в некоторых, пусть довольно узких местах передает девяностые очень близко к тексту.

«Вы, дикие короли, можете мною номенклатурно ужасаться, я же открываю шампанское, и начинаем дикий кутеж». С этим человеком я как раз встречалась, так что за него могу поручиться.

То есть сначала мне показалось, что я встречалась с именно этим, описанным здесь человеком — дипломатический сынок, мгимошник, разбогатевший в самом начале девяностых на продаже оргтехники («Какая там графическая карта? Объем памяти какой? Винчестер? Что значит — нет? Я готов забрать три „Амстрада“ за половину вашей цены»), любитель метафизических бесед и «диких кутежей». Хотя нет, это все же не он, а другой, точно такой же — «мажорский» сленг Санаев передает почти буквально, как и тематику разговоров тех лет, смешивающих рассуждения о винчестерах и адаптерах с разговорами о сходстве «Бхагавад-гиты» и Евангелия.

И если Санаева иногда (впрочем, довольно часто) подводит вкус, то память его не подводит. Толкучка у «Детского мира», первые кооперативные рестораны, первые закрытые вечеринки и даже первые серьезные споры о судьбах родины («Система работала сорок лет после войны и работала бы и дальше. Ее угробили тремя-четырьмя законами». «Общность, которую мы называли „советский народ“, по сути иждивенческая») описаны практически точно.

За этим всем нет ни настоящего яркого героя (Раздолбай со своими надоедливими внутренними диалогами на него не тянет), ни настоящего конфликта (предложенный — «советская трусливая честность» против «смелой нечестности нового времени» — здесь совсем не работает), ни настоящего чувства. Так что в список настоящей литературы новый роман Санаева не попадает. А вот в будущий список «литературы о девяностых» — наверное.

М.: АСТ, 2013